

Иннокентий Анненский

КНИГА
ОТРАЖЕНИЙ
I

Москва, 2018

УДК 82-95

ББК 83.3(2Рос=Рус)

А68

Анненский, И.

А68 Книга отражений I / И. Анненский. – М. : T8RUGRAM,
2018. – 250 с.

ISBN 978-5-521-06938-5

Иннокентий Фёдорович Анненский (1855–1909) – крупнейший русский поэт, драматург, переводчик, исследователь литературы и языка, творчество которого отличается большой самобытностью и глубокой искренностью.

«Книга отражений» – это удивительный авторский сборник в двух томах, в котором представлены лучшие статьи о творчестве Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, А.Ф. Писемского, Л.Н. Толстого, М. Горького, А.П. Чехова, К.Н. Бальмонта, М.Ю. Лермонтова, Л. Андреева, Г. Гейне, Г. Ибсена, У. Шекспира. Задуманные автором как отражение актуальных проблем в искусстве, очерки наполнены личными переживаниями Анненского и написаны сквозь призму собственных ощущений.

УДК 82-95

ББК 83.3(2Рос=Рус)

BIC FC

BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПРОБЛЕМА ГОГОЛЕВСКОГО ЮМОРА	7
ДОСТОЕВСКИЙ ДО КАТАСТРОФЫ	35
УМИРАЮЩИЙ ТУРГЕНЕВ	69
ТРИ СОЦИАЛЬНЫХ ДРАМЫ	87
ДРАМА НАСТРОЕНИЯ	168
БАЛЬМОНТ-ЛИРИК	189

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга состоит из десяти очерков. Я назвал их *отражениями*. И вот почему. Критик стоит обыкновенно вне произведения: он его разбирает и оценивает. Он не только вне его, но где-то над ним. Я же писал здесь только о том, что *мной владело*, за чем я *следовал*, чему я отдавался, что я хотел сберечь в себе, сделав собою.

Вот в каком смысле мои очерки — *отражения*, это вовсе не метафора.

Но, разумеется, поэтическое отражение не может свестись на геометрический чертеж. Если, даже механически повторяя слово, мы должны самостоятельно проделать целый ряд сложных артикуляций, можно ли ожидать от поэтического создания, чтобы его *отражение* стало пассивным и безразличным? Самое *чтение поэта* есть уже творчество. Поэты пишут не для зеркал и не для стоячих вод.

Тем более сложным и активным оказывается *фиксирование* наших впечатлений.

Выбор произведений обусловлен был, конечно, прежде всего самым свойством моей работы. Я брал только то, что чувствовал выше себя, и в то же время созвучное.

Но был и еще критерий. Я брал произведения субъективно-характерные. Меня интересовали не столько объекты и не самые фантоши, сколько творцы и хозяева этих фантошей.

Иннокентий АННЕНСКИЙ

Только не всегда приходилось мне решать свою задачу аналитическим путем, как сделано это, например, в «Портрете» и при разборе «Клары Милич». Иногда я выбирал путь синтетический, например, для «Носа», «Двойника» и «Трех сестер». Самые очерки покажут читателю, в чем тут дело.

И. А.

*Царское Село
Сентябрь, 1905 г.*

ПРОБЛЕМА ГОГОЛЕВСКОГО ЮМОРА

НОС¹

К повести Гоголя

Эти господа обыкновенно претендуют на выдающуюся роль, разумеется, каждый в своей сфере. Они не прочь даже иногда заскочить вперед, что-нибудь да разведывая и вынюхивая. А так как умственный ценз их при этом довольно скромен, то они весьма легко впадают в подозрительность и обидчивость.

Каков был, в частности, тот из этих господ, который в ночь на 25 марта 1832 г.² загадочно покинул определенное ему природою место для целого ряда оригинальных приключений, этого мы, к сожалению, вовсе не знаем. Но, кажется, что это был Нос довольно белый, умеренной величины и не лишенный приятности.

Накануне исчезновения на него сел небольшой прыщик — вот и все, что мы знаем о носе майора Ковалева,

1 НОС

Впервые: КО, с. 3–14. Автограф неизвестен. Печатается по тексту книги. Завершена до августа 1905 г. См. письмо к А. В. Бородиной от 2.VIII.1905 г.

Цитаты здесь и в других статьях о Гоголе проверены по изд.: Гоголь Н. В. Соч.: В 7-ми т. / Под ред. Н. Тихонравова (последние два тома под ред. В. И. Шенрока). М., 1889–1896.

2 ...в ночь на 25 марта 1832 г... — В первоначальном наброске повести «Нос» действие отнесено к 1832 г., в последующих редакциях указания на год нет.

Иннокентий АННЕНСКИЙ

в частности. Да и сам Гоголь, насколько можно судить по его брульонам,³ колебался относительно частных свойств скромного героя своей повести и кончил тем, что оставил его рисоваться в несколько романтической туманности. Нос был чистый, но вот и все.

Кажется, Гоголь не решил окончательно и другого вопроса — вопроса о герое происшествия: был ли то Нос без майора или майор без Носа? В его превосходном повествовании оказалось как бы два героя. Положим, читатель, по врожденной русскому сердцу сострадательности, склоняется более к жертве пасквиля, чем к обидчику. Положим, что и Гоголь, хотя, по-видимому, колебался, но тоже более склонялся к чувствам читателя и не выразил особого интереса к судьбе созданного им Мельмотаскитальца.⁴ Но зато, несомненно, столичная публика 1832 года, которая еще не была извещена о беспримерном случае, так сказать, художественным способом, говорила о носе майора Ковалева, а не о человеке, у которого части этой налици или, правильнее, на лице не оказалось. И, вероятно, настоящему Ковалеву это было даже отчасти успокоительно, так как он первое время скрывал пасквильность своего положения не только от света, но и от крепостного своего человека. Хотя издали — пожалуй! отчего же?.. Чей нос? А-а! майора Ковалева?

В моих глазах центр повествования перемещается. Я смотрю на дела вот как.

Нос коллежского асессора Ковалева обрел на две недели самобытность. Произошло это из-за того, что Нос

3 Бульон — черновик (фр.).

4 «Мельмот-Скиталец» (1820) — роман английского писателя Чарлза Роберта Мэтьюрина (1782–1824).

КНИГА ОТРАЖЕНИЙ I

обиделся, а обиделся он потому, что был обижен или, точнее, не вынес систематических обид.

Цирульник Иван Яковлевич, который, несмотря на то что он обедал не иначе как во фраке, был очень неуважительно трактуем своей супругой, взял прескверную привычку брать его, т. е. Нос (не лучше ли Носа?), в весьма дурно пахнущие руки всякий раз, как он намылял щеки майора Ковалева, а делал он это с возмутительной правильностью два раза в неделю. Не то чтобы этот Иван Яковлевич имел в виду этим обижать выдающуюся часть майора Ковалева, но он был в некотором роде артист, а эти господа, как известно, склонны забывать все на свете, когда поют или бреются.

Итак, обидчиков, с моей точки зрения, два — Иван Яковлевич (фамилия неизвестна, мастерская на Вознесенском, там же и проживает) и майор Ковалев, как попуститель, виновный в недостатке самоуважения, зачем он, видите ли, позволял два раза в неделю какому-то дурно пахнущему человеку потрясать двумя пальцами левой руки, хотя и без злостного намерения, чувствительную часть его майорского тела, притом же лишенную всяких способов выражения неудовольствия и самообороны.

Герой повести, т. е. истинный герой ее, по-моему. Нос. Повесть же есть история его двухнедельной мести.

Несмотря на скромный умственный ценз Носа, его исчезновение было исполнено с положительным остроумием и даже талантом. Между двух щек кавказского майора получилось совершенно гладкое место — при этом ни боли, ни физического вреда, ничего подобного. Мойте это место холодной водой — и вы будете здоровы, как бы вы имели нос, — так сказал веселый доктор, кото-

Иннокентий АННЕНСКИЙ

рый очень любил есть яблоки, и притом непременно утром. Но в самой этой безболезненности исчезновения не чувствуется ли же вся злобность его мести? Майор Ковалев был застигнут решительно врасплох, и едва ли даже это случилось не а четверг, т. е. журфикс Подточных.

Однако майор Ковалев ни минутки не колебался, что ему делать; он надевает мундир и едет к обер-полицей-мейстеру (или лучше полицеймейстеру, как поправил Гоголю цензор) — так и так, согласитесь сами... то оставим его говорить с лакеем полицеймейстера, потому что для нас эрой рассказа вовсе не Ковалев. Проследим лучше за превращениями Носа, восстановляющего свою долго попирающуюся честь и неприкосноенность.

Первое превращение — Нос оказывается запеченым в хлеб, который жена Ивана Яковлевича выбрасывает на стол для его завтрака. Это превращение самой своей осознательностью, своей, так сказать, грубой материальностью попадает прямо в цель — тут дело, видите ли, без всяких экивоков... на, мол, ешь меня, подавись; ты ведь этого хотел — не взыщи только, братец, если я стану тебе поперек горла.

И вот несчастья просто облипают пегий фрак Ивана Яковлевича. Во-первых, его жена получает новую, да и какую еще, метафору для своего утреннего лиризма. О, этот нос в тесте не так-то скоро ею забудутся! Да и какая уж тут метафора, это целое наводнение метафор, да еще если бы дело было только в этом. Но Иван Яковлевич прозревает себя совсем в иной роли — в роли молодой и неопытной матери с плодом собственного увлечения на